

Глубокой ночью среди густой листвы и ветвей Сада Чжаосин то тут, то там неестественно вздрагивал какой-нибудь куст. Однако из-за позднего часа и удаленности этого места на происходящее никто не обращал внимания.

А прятавшийся в кустах У Мянй действовал крайне осторожно: его ушки то и дело подрагивали, и лишь убедившись, что вокруг никого нет, он продолжал свой трудный путь к намеченной цели.

Использовать заклинания было нельзя, а в Саду Чжаосин привыкли прогонять бродячих кошек, из-за чего любые попытки У Мянй пробраться внутрь и повидать своего спасителя оказывались невероятно сложными.

Его целью было старое дерево неподалеку от Юйюань — главного жилого двора Сада Чжаосин. Говорили, что ему уже лет сорок или пятьдесят. Хотя само дерево росло на некотором расстоянии от Юйюань, его ветви раскинулись прямо над ним.

Добравшись до ствола, У Мянй высунул кошачью мордочку из зарослей, настороженно огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, молниеносно взбежал наверх.

Что же до прислуги, ходившей вдаль, — во всяком случае, он был совершенно черным, и если только у тех не было орлиного зрения, в темноте его вряд ли бы заметили.

Проворно забравшись на ветку, У Мянй устроился на самом удобном месте и принялся во все глаза глядеть на главный дом Юйюань. К сожалению, хотя в усадьбе горел яркий свет, самого хозяина здесь не оказалось.

Разочарованный У Мянй припал к ветви. Он с таким трудом преодолел все препятствия, чтобы добраться сюда, а благодетеля, как назло, нет дома.

Он лежал на ветке, полными тоски глазами глядя на внутренний двор, и решил пока не уходить — по крайней мере, до тех пор, пока его не обнаружат, ведь проникнуть сюда было невероятно трудно.

Прежде чем спуститься в мир людей, он наслушался множества историй. В тех сказках ёкаи являлись прямо на порог, чтобы отблагодарить спасителей, и те радостно принимали их. Но стоило дело дойти до него, как всё пошло наперекосяк.

Стоило ему заявиться лично, как охранники тут же прогнали его. Когда же он кое-как проскользнул в Сад Чжаосин, сработала сигнализация, и ему пришлось спасаться бегством в истинном облике, едва заведя приближающихся людей, да к тому же спешно стирать с помощью магии записи с камер наблюдения.

Короче говоря, путь воздаяния за добро складывался крайне неудачно!

Как раз в тот момент, когда У Мянью прихлопнул уже двадцать первую комариную самку, в Саду Чжаосин внезапно оживились.

Называть это оживлением было не совсем верно, поскольку никто особенно не шумел и не суетился, но во всем дворе явственно ощутилось какое-то движение.

Вскоре У Мянью понял, с чем это связано: из дома вышел главный управляющий Сада Чжаосин. Словно поддавшись какому-то предчувствию, зверек обернулся и сразу же заметил в толпе мужчину.

Тот был не слишком стар — судя по лицу, лет двадцати шести-се²⁷, — однако глубокие, угольно-черные глаза придавали его фигуре солидность и неуловимую властность.

Он был одет в деловой костюм, а на плечи наброшено черное пальто, что делало его ауру еще более внушительной.

У Мянью не отрывал глаз от мужчины, который неторопливо шагал вперед своими неправдоподобно длинными ногами, и от охватившего его волнения у него даже подрагивал кончик хвоста.

Он был абсолютно уверен: этот человек — тот самый Се Цзючжэ, его спаситель.

Впрочем, внешность людей он запоминал не слишком четко, но сразу узнал его по мощнейшей Нити Кармы, связывавшей их.

Спасение жизни — эта нить оказалась самой толстой из всех, что ему доводилось видеть.

У Мянью инстинктивно хотел спрыгнуть вниз, но, заметив шагавших рядом с Се Цзючжэ дюжих молодцов в костюмах, притормозил.

Он отлично помнил, как в самую первую попытку разыскать Се Цзючжэ его вышвырнули вон, даже не дав толком показаться на глаза, а одеты те люди были точно так же, как эти амбалы.

У Мянью с тревожным видом устроился на ветке, обвив хвост вокруг себя, и нервно похлопал по нему лапкой. Прошлогодний опыт изгнания подсказывал, что бродячих кошек здесь, судя по всему, не жаловали.

Разумеется, он вовсе не думал, будто в этом виноват Се Цзючжэ. Если бы Се Цзючжэ действительно ненавидел кошек, он бы тогда не стал его спасать.